

Рецензия на статью.

В.Т. Фаритов, Н.Б. Балаклеец «Власть и граница в постметафизическом контексте»

© 2019 В.Б.Малышев

Доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского государственного технического университета.

E-mail: vlmaly@yandex.ru

Самара, Россия

В своем исследовании «Власть и граница в постметафизическом контексте» (с. 63 – 70) В.Т. Фаритов и Н.Б. Балаклеец видят главным своим предметом выявление соотношения феноменов власти и границы в контексте современной постметафизической философской мысли, что продолжает оставаться достаточно актуальным направлением изучения в современной онтологии, а также философии культуры. Природу власти авторы рецензируемой статьи видят в области не столько правовой или историко-культурной, сколько метафизической. Они указывают, что при подобном подходе метафизика ни в коем случае не может являться орудием или инструментом власти, но «сама по своей структуре представляет собой то, что делает возможным пространство и отношения власти». При этом, если раньше в сфере метафизики присутствовал определенный «эссенциализм», и метафизик стремился дойти «до сути» вещей, понять некую «универсальную сущность» вещей, то теперь метафизика существует «на границе» и «по краям», став «метафизикой границы». Но как, в таком случае понимать феномен «границы»? Ведь региональных онтологических проектов границы довольно много, также как и культурологических, геополитических ее концепций. «Мышление границы», или, по выражению авторов «трансцендирование на границе», как проект философии пределов это действительно особый стиль постметафизического мышления. На основе подобного строя мысли как раз и возможно рассматривать проблему власти. Здесь авторы ссылаются на исследования И.А. Исаева, отмечая, что даже в области права граница является проблемой метафизической. Именно исследования отечественного философа и ученого И.А. Исаева авторы рецензируемой статьи берут за основу своих изысканий, тем самым полагая их отправным пунктом своих изысканий. Хотя, несомненно, присутствие в вышеназванных ис-

следованиях границы концепций предшествеников, в частности, общепринятой семиотической концепции границы Ю.М. Лотмана, который одним из первых так отчетливо и внятно рассмотрел границу как многомерный феномен, культурно-исторический, этнокультурный, геополитический, семиотический феномен. Надо отметить, что фундаментальное знание о культуре, как особой подсистеме бытия также предполагает понимание границы в качестве фундаментальной константы бытия в культуре. Не будет преувеличением сказать, что сама культура начинается с границы, с ее полагания, с ее проведения, с «полагания черт разметки» (М. Хайдеггер), с разделения «своего» и «чужого» пространства (Ю. Лотман), сакрального и профанного (М. Элиаде), с выделения табуированных и разрешенных областей существования и практик (З. Фрейд).

При рассмотрении одного из типов метафизической конструкции границы, доведенного до предела авторы предпринимают критику «границы как пространственного образования» в концепции Исаева. Обозначив иное понимание границы, авторы полагают что «империя стремится к нарушению чужих границ, к отрицанию бытия всего того, что не вписывается в круг очерчиваемого ею порядка». Они подчеркивают, что «в пространстве империи осуществляется по сути не трансгрессия собственных границ, но агрессия по отношению к тому, что находится за пределами этих границ». Трудно согласиться не с самими вышеприведенными утверждениями авторов статьи, а с их однозначностью. Например, если вспомнить исторические реалии, в частности, архитектуру формирования монгольской империи в XIII веке в результате завоеваний Чингисхана и его преемников. Представляется, что в данном случае следовало бы прибегнуть к изначальному различению двух архитектур: архитектуры номадических империй с их особым типом «ризомного» мышления и континентальных классических империй, для которых характерно преобладание оседлой ментальности, а также различению исторических стадий или циклов имперской феноменологии. Предположим, что выдвигая данное критическое замечание мы не правы, но мы высказываем его, прежде всего, для того, чтобы предостеречь от слишком вольного обращения с термином «империя». Кстати сказать, в исследовании отсутствует четкость в его определении. С другой стороны, уйдя с головой в метафизическую область,

точнее в постметафизическую, мы не должны забывать о метаисторическом опыте человечества, о диалектике развития имперских завоеваний. Последнее замечание представляется тем более обоснованным, если учесть наличие ссылок на произведение Г.В.Ф. Гегеля в библиографии данной статьи. Другим подтверждением обоснованности высказанных рецензентом замечаний является утверждение самих авторов в заключительной части статьи «Граница – не трансцендентная сущность, лежащая в основании всего, но феномен духовного и физического мира, играющий определяющую роль в организации властных структур». Вслед за авторами мы поддерживаем означенную интенцию ухода в трансцендентальный уровень понимания границы, но при этом оговариваем способ возвращения к эмпирической действительности. Односторонний поход здесь был бы неубедительным и неперспективным. В этой связи весьма продуктивным представляется балансирование на грани

метафизического и диалектического мышления, от этого исследование только выигрывает.

Одним из основных своих достижений, как это следует из заключения, авторы считают отказ от попыток определить универсальную сущность феномена власти, но согласно исследовательской линии изучения генеалогии власти М. Фуко насколько это ново? Видимо, особо ценной здесь является все же историографическая канва исследования, успешная попытка обосновать данный тезис на основе экспликации постметафизических тенденций в исследованиях И.А. Исаева.

В заключение отметим, что, невзирая на сделанные нами частные замечания, статья Т. Фаритова и Н.Б. Балаклеец является ценным вкладом в экспликацию границы в качестве конститутивного компонента различных типов метафизических конструкций феноменов власти на основе уже существующей историографии проблемы.